

Из истории русского языка

Повергаются ли *верги*? (к вопросу о происхождении предполагаемого финского заимствования в русских говорах Северо-Запада)

Алина Сергеевна Алексеева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), alevtina.sergeevna@gmail.com

DOI: 10.31857/S0131611724020058

аннотация: В диалектных и этимологических словарях русского языка с кон. XIX в. фиксируется лексема *верги* ‘заклинания, чары, колдовство’, которая проиллюстрирована одним-единственным примером, записанным Г. И. Куликовским в Ялгубе (Карелия). Большинство исследователей склонны считать, что слово восходит к фин. *verha* ‘жертва’, но увеличение источниковой базы позволяет по-новому взглянуть на историю слова. Во-первых, лексема *верга* содержится в записи обряда из Олонецкого сборника заговоров второй четв. XVII в., что является на данный момент самой ранней фиксацией, причем в форме ед. ч. Во-вторых, в словаре А. Неовиуса и в экспедиционных записях 1935 г. в Койвисто и др. приводятся обряды, в которых используется *verha*. Практически во всех обрядах с *верга/verha* предмет необходимо бросить, что наводит на мысль о древнерусском этимоне (ср. с *врещи*, *вьргоу* ‘бросать, кидать’). Финноязычное население с контактных территорий могло заимствовать понятие после 2-й пол. XII – сер. XIII в., т. к. е в *verha* отражает прояснившийся редуцированный.

ключевые слова: древнерусский язык, Олонецкий сборник, этимология, карельские диалекты, обряды

для цитирования: Алексеева А. С. Повергаются ли *верги*? (к вопросу о происхождении предполагаемого финского заимствования в русских говорах Северо-Запада) // Русская речь. 2024. № 2. С. 65–76. DOI: 10.31857/S0131611724020058.

From the History of the Russian Language

On the Origin of the Borrowing *Верги* in the Russian Northern-Western Dialects

Alina S. Alekseeva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), alevtina.sergeevna@gmail.com

ABSTRACT: Since the end of the 19th century a lexeme *верги* ‘incantations, charms, sorcery’ has been illustrated by a single example recorded by G. I. Kulikovskiy in Yalguba (Karelia) in the dialectical and etymological dictionaries of the Russian language. Researchers tend to believe that the word goes back to Finnish *verha* ‘sacrifice’, but an increase in the source base allows us to take a fresh look at the history of the word. Firstly, the lexeme *верга* is contained in the rite in the Olonetsky collection of charms (2nd quarter of a 17th century) and is currently the earliest fixation of the word in a singular form. Secondly, the dictionary of A. Neovius and the expedition records of 1935 in Koivisto and other places fix rituals containing the lexeme *verha*. In almost all the rituals with *верга/verha* the object must be thrown, which permits to suggest the Old Russian etymon (compare *вреци, вьргоу* ‘to throw’). The Finnish-speaking population from the contact territories could borrow the lexeme after the 2nd half of the 12th – the middle of the 13th century, because the vowel *e* in *verha* reflects the change of the reduced vowel.

KEYWORDS: Old Russian language, Olonetsky sbornik, etymology, Karelian dialects, rituals

FOR CITATION: Alekseeva A. S. On the Origin of the Borrowing *Верги* in the Russian Northern-Western Dialects. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2024. No. 2. Pp. 65–76. DOI: 10.31857/S0131611724020058.

Рукописный сборник заговоров, известный под названием Олонечского (далее ОС), примечателен тем, что фиксирует не только русскоязычные тексты второй четв. XVII в., но и 11 записей на карельско-вепском диалекте, которые встречаются в двух частях рукописи, писанных разными почерками¹. Такое соседство неудивительно ввиду происхождения сборника: оба писца были носителями новгородского диалекта или говоров северо-восточной новгородской периферии², контактирующих в том числе с финноязычным населением. Особенный характер этой связи вскрывает запись на лл. 19 об.–20, представляющая собой фиксацию обряда, проводившихся над новорожденным теленком.

1. Прочтение записи

И В. И. Срезневский, и А. Л. Топорков читают завершающий фрагмент обряда сходным образом: *восѣ тебѣ, семла ма^т, верча ѿ сеи животине; старой поблюди¹, а молодод¹ под^дроди* [Срезневский 1913: 493], *Восе тебе, земля мат(и), верча³ от сеи животине; старой поблюди, а молодой подроди* [Топорков 2010: 110–111]. Однако при обращении к рукописи ОС выяснилось, что во втором почерке начертание графемы *ч* имеет более выраженную чашечку (Рис. 2), и, соответственно, место следует читать как *верга w(m) сеи животине*.

¹ Подробнее об истории и составе ОС см. в [Топорков 2010: 37–86]. О понятии *карельско-вепский* применительно к ОС пишет С. А. Мызников [Мызников 2010: 286–310].

² Для диалектов обоих писцов характерны переход ударного [ê] > [и], полное оканье, твердое качество <ж>, реализация долгого глухого шипящего в виде [шʲ], звонкого — [ж̣], неразличение аффрикат, синкретизм сущ. * а-скл. Р.–Д.–М. ед., флексия *-ыма/-има* у прилагательных в Т. мн., конструкции с экзистенциально-модальным *есть* при формах настоящего времени. В части, записанной вторым почерком, также отмечены предлог *ув*, взрывной характер звонкого задненебного, флексия *-амы/-ямы* у существительных в Т. мн., И. п. в клаузах с причастиями. При этом в обеих частях сборника отражаются два типа синкретизма Р.–Д.–М. ед. существительных *а-скл., что можно интерпретировать и как смешение, типичное для данной половины столетия, и как использование нескольких разновременных источников [Алексеева 2020: 128–150].

³ В последнем издании лексема *верча* получает следующее объяснение: «*Верча* — платок, связанный в виде куколки и обвитый ниткой; ср. диал. *верча*, сущ. 1) вид пряжи, приготовленной с помощью закрутки нитей руками, а не веретеном (Пенз.); 2) половик, сотканый из тряпок, нарезанных в виде ленточек (Тул.) (СРНГ 1969/4: 171); *верчь* — 1) способ прядения без веретена (Тул., Пенз.); 2) то, что изготовлено таким способом (Тул., Пенз., Ряз.) (Там же); *верча*, деепр. от *вертеть* — 1) вращать, крутить; 2) поворачивать в разные стороны; вить, свивать; 3) катая, крутя, делать, изготавливать что-л. (СРЯ XVIII в. 1987/3: 51)» [Топорков 2010: 210].

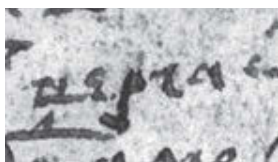

Рис. 1. *Верга* (л. 20)

Pic. 1. *Верга* (20)

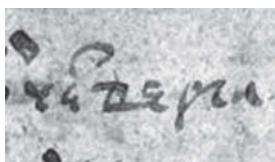

Рис. 2. Образец написания г:
че(т)верга (л. 40)

Pic. 2. Example of writing
the letter г: *че(т)верга* (40)

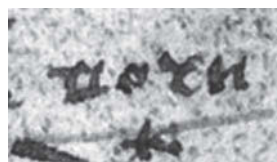

Рис. 3. Образец написания ч:
в очи (л. 20)

Pic. 3. Example of writing
the letter ч: *в очи* (20)

Приведем запись обряда в упрощенной орфографии и со знаками препинания; в круглые скобки помещены выносные буквы:

Ка(к) телл(а) не стол(т), тому слова. Ка(к) телл(а) корова роди(т), и то мо(к)рое телл(а) пока не вбл(и)же(т) ма(т), взл(т) то телл(а) и вб(в)оло(ч)и на посолон(ь) вк(о)ло но(г) пере(д)ни(х) и задни(х), да рл(д) в(б)оло(к)ши при(к)лони(т) то телл(а) головою, поклони(т) к мтр[и] в ноги, а гово(р): «Прості ты, ма(ті), свое дѣ(л)а на се(і) свѣ(т)ъ поить и корми(т)».

Г(ж)⁴ в(б)оло(к)ши поклони(т), а г(ж) говори, да взл(т) гве(р)стл(н) но(і) каме(н), да в(б)в(л)са(т) в бѣлои плато(к), а в(л)са(т) куко(л)ко(і), да красно(і) нитко(і) в(б)ви(т), да положи в ноги в за(д)ние, гдѣ корова стои(т), в наво(з), а говори: «Восе тебѣ, земл(а) ма(т), верга в(т) сеи животине, старои поблю(ди), а молодо(і) по(д)роди».

2. Дискуссия

В «Словаре областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» впервые отмечается лексема *верги* — так, в форме мн. ч., в составе выражения *ставить верги*, которое, согласно Г. И. Куликовскому, имеет два значения [Куликовский 1898: 9]:

«*Вѣрги ставить* — (Неккула) делать зарубки, метки на деревьях для отыскания, напр., обратного пути в незнакомой чаще леса; для этой цели большей частью надламывают ветки дерев, мимо которых прошли; (Ялгуба, Свирь) если болен кто-либо из семьи или же из домашнего скота, то считается нужным “ставить верги”: для этой цели берут понемного чаю, сахару, лоскуточков, конфет и идут с этим в баню, или на перекресток (если больна скотина). Здесь, прочитав заговор, принесшее бросают назад себя через голову».

⁴ Трижды.

В начале XX в. о сочетании *ставить верги* писал Я. Калима, который также выделял два значения, возводя *верги* к разным прибалтийско-финским словам. Так, по мнению ученого, лексема в значении ‘делать зарубки, метки на деревьях’ родственна олон. *virga* ‘полоска, борозда’, люд. *virg* ‘метки, вырезанные на дереве’, вепс. *virg* ‘метка, зарубка на дереве’, эст. *virg* ‘полоска, борозда’ [Kalima 1919: 84–85], в то время как *верги* из второго примера может восходить к фин. *verha* ‘жертва’: «Вероятно, от этого слова следует отделить *ставить верги* в значении ‘совершать определенное магическое действие, когда кто-то в семье или скот болен’ <...> Возможно, что *верги* здесь восходит к другому прибалтийско-финскому слову, а именно — к финск. *verha* ‘жертва’»⁵ [Kalima 1919: 85]. Такого же мнения придерживаются М. Фасмер и авторы статьи из «Словаря русских народных говоров» [Фасмер 1986: 294, Филин (гл. ред.) 1969: 125]; связь *верги* ‘заклинание, чары, колдовство’ с фин. *verha* ‘жертва’ упоминается и в книге О. А. Черепановой [Черепанова 1983: 84]⁶.

Важное наблюдение о вергах делает В. Н. Топоров в статье, посвященной древнеиндийским заговорам (разрядка автора! — А. А.): «Ср.: *вѣрги ставят* ‘делать зарубки, метки на деревьях’ “для отыскания, например, обратного пути в незнакомой чаще леса; для этой цели большей частью надламывают ветви дерев, мимо которых прошли” (Куликовский), ср. [СРНГ 4, 1969, 125], или: *вѣрги* ‘заклинания’ “...Если болен кто-либо из семьи или же из скота, то считается нужным „ставить верги“, — для этой цели берут понемногу чаю, сахару, лоскуточков, конфект и идут с этим в баню или на перекресток ... Здесь, прочитав заговор, принесенное бросают назад себя через голову” (Куликовский, там же, 125). Ср. также русск. диал. *вергáть* ‘бросать’, ‘швырять’ (: *из-вергáть*), но и *вѣрзить* ‘свергать’, ‘поражать’ (“*Бог верзит сатану, — сверзил долой с неба*”) [СРНГ 4, 146] и др.» [Топоров 1995: 70]⁷.

Позднее российские исследователи обсуждают преимущественно лексему *верги* ‘зарубки, метки на деревьях’. Л. П. Михайлова считает, что слово относится к этимологической группе со славянским корнем **vьrg-/*verg-*, равно как и ряд других лексем, зарегистрированных на Северо-Западе: кемск. *верег* ‘некошенная полоса травы’, петрозаводск. *иверенья* ‘лоскутья’, беломорск. *верезейка* ‘дверца в заборе, калитка’ [Михайлова 1999: 20]. К предположению Я. Калимы возвращается С. А. Мызников, который обращает внимание на тот факт, что «на территории Северо-Запада устройство

⁵ Здесь и далее перевод мой — А. А.

⁶ Благодарю анонимного рецензента за указание на данную работу — А. А.

⁷ Благодарю анонимного рецензента за указание на данную работу и любопытное употребление однокоренного глагола в заговоре, записанном П. С. Ефименко в кон. XIX в.: «на очи ему лихому челоўкѣ *наверги* бѣлое бѣльмо» [Ефименко 1878: 196] — А. А.

подсеки активно практиковалось, как у русского, так и у прибалтийско-финского населения... для выбора участка находили смешанный или лиственный лес (предпочтительнее) на возвышенном месте, помечали его, делали зарубки на деревьях: *верги* (Петрозав. Олон., Куликовский), вепс. *virg* ‘затеска или другой знак на дереве, указывающий дорогу, место’ (СВЯ, 635), ливв. *virgu* ‘подтеска, затес’ (СКЯМ, 406)» [Мызников 2004: 165–166]. А. Е. Аникин соглашается с мнением С. А. Мызникова и приводит в пример еще одно заимствование — арханг. *выргут* ‘знак-ориентир возле убитого зверя во время морской охоты’ из фин. диал. *virkotie* ‘тропа с вехами, указателями’ [Аникин 2013: 270].

В словарной статье С. А. Мызников, говоря о *верги* в значении ‘зарубки, метки на деревьях’, сопоставляет лесему с «ливв. *virga* ‘полоска, борозда’... люд. *virg* ‘метки, вырезанные на дереве’, ‘зарубки на дереве’, вепс. сев. *v'irg*, *v'erg* ‘метка, зарубка на дереве’, с балтийской основой прибалтийско-финских данных, ср. латыш. *virde* (из **virge*) ‘большая куча’, *verdze* ‘длинный ряд’» [Мызников 2019: 128–129]. Лексема *верги* ‘заклинания, чары, колдовство’ и А. Е. Аникиным [Аникин 2013: 270], и С. А. Мызниковым возводится к фин. *verha* ‘жертва’ [Мызников 2019: 129].

Как видно, исследователи имеют в своем распоряжении лишь две цитаты, заимствованные из словаря Г. И. Куликовского. Пример из ОС, таким образом, является не только самой ранней фиксацией лексемы с религиозно-мистическим значением, но и единственной — в форме ед. ч. Представляется, что запись обряда содержит сведения, которые могут помочь при определении этимона и истории его развития, однако для того, чтобы приблизиться к решению этого вопроса, необходимо обратить внимание на употребление лексемы *verha* в неславянском материале.

3. *Verha* в финских диалектах

Ценный материал содержится в статье Л. Хакулинена, который подробно фиксирует ритуальные действия, сопровождающие создание и использование *verha* [Hakulinen 1936]. Приведем запись из рукописного словаря А. Неовиуса «*Sakkulan ja Metsäpirtin murteen sanaluettel*»⁸ (совр. поселок Громово и Запорожское сельское поселение Ленинградской обл.), отметившего, что лексема *verha* могла быть первичным наименованием со значением ‘жертва’ (совр. фин. *uhri*):

«*Verha* (стихоть.) — одежда; подношения, состоящие из прутьев, воды или серебряной пряжки и сделанные для того, чтобы задобрить воздух, воду или землю, откуда пришла болезнь; возможно, это слово —

⁸ Список диалектных слов дер. Саккула и Метсяпиртти.

исходное для понятия *offer*”. Сначала гадают на то, что является источником болезни; если выяснилось, что болезнь пришла, например, из источника, то тогда снова гадают, что нужно положить в качестве *verha*. Если выяснилось через гадание, что она хочет в качестве *verha* воды из реки или из того же источника, то тогда берут оттуда воду и читают “водные” приветственные слова, и немного воды оттуда бросают обратно в источник, и варят с маслом, и приветствуют дом, воздух и т. п., и используют ее для купания, и эту воду выплескивают на баню в качестве *verha*, и читают “банные” приветственные слова, и купаются в воде, и выливают трижды под голову. Если получилось узнать через гадание, что нужны прутья ольхи или березы в качестве *verha*, то их бросают на землю и читают “земельные” приветственные слова, и вокруг головы или тела обворачивают три раза» [Hakulinen 1936: 61–62].

Сходные обряды были зарегистрированы в нескольких населенных пунктах и позднее, во время экспедиции 1935 г. Вот что необходимо делать при создании *maaverhat* и *suolaverhat*, по записям из г. Койвисто (совр. Приморск, Выборгский р-н Ленинградской обл.) и с острова Сескар:

- 1) «*Verha* — довольно важный способ лечения. Например, для человека, который испугался, нужно сделать *verhat*, *maaverhat* или *suolaverhat* на том месте, где произошел испуг. *Maaverhat*: с места, где произошел испуг, или с места, от которого поднимается земля (т. н. “нос земли”), нужно взять земли и варить, прикрыв, в закрытом крышкой сосуде, или положить землю в лист бумаги и оборачивать три раза вокруг больного, и воды вылить на голову. Воду затем бросить обратно на то место и произнести: “Возьми землю в качестве *verha*, дай мне вечное здоровье”. *Suolaverhat*: делается так же, как *maaverhat*. Воду бросить по ветру: “Возьми ты *verha*, дай нам здоровье”. Также, если на лице появились прыщи и держатся, необходимо взять земли с трех мест и надавить ею на лицо, и положить землю обратно»;
- 2) «Когда проклятия падают на членов семьи, делается *verhat*. В воду кладут серебряные деньги и соль, этой водой моются, вода выливается по ветру и читаются две рифмованные строки: “Возьми ты имущество, дай мне здоровье”. Из земли делается *maaverhat*. В воду кладут землю, варят, моют больное место, и выливают на землю со словами: “Возьми ты имущество, дай мне здоровье»» [Hakulinen 1936: 62].

Наконец, как пишет Л. Хакулинен, в говоре дер. Лумбила (около Сямозера) была отмечена лексема с метатезой — *vehra* — которая обозначала деньги, положенные под угол здания в качестве жертвы духу дома [Hakulinen 1936: 63].

Большой массив данных о *verha* (в том числе основанных на статье Л. Хакулинена) приводится в статье «Этимологического словаря финского языка», согласно которой это слово имеет значение ‘жертвенный дар; колдовство (делается, например, в случае болезни или когда купленную корову приводят домой); в родник бросается полотенце или другая тряпка, которой обмылся больной в этом источнике (ингермл.)’ [Itkonen, Joki, Peltola 1978: 1703]. Приведем некоторые фиксации; населенные пункты указаны в скобках:

maa-, suolaverhat (Койвисто, Сескар) ‘земля или соль (Койвисто: в сосуде, закрытом обернутой в бумагу крышкой), которая используется в лекарственных целях’;

verho ‘жертва’ (Soikk.⁹, Ингермл.), ‘жертва из ткани’ (Калевала), *kädenverho* ‘дополнительное подношение в каком-нибудь обряде’ (Muol.¹⁰); ‘маленький подарок — например, детям’ (Пауту);

карел. *verha* ‘жертва’ (Суоярви), *verhu* (gen. *verhan*) ‘(жертва лесу или воде — например, куриное яйцо; Tul.¹¹), ‘голова’ (Сямозеро), *vierhañe* (Тверь) ‘жертва (говорится перед хозяевами при извинении или в просьбе)’, *verhoittoa* (sg. 1 p. prs. *-tan*) ‘жертвовать’ (Суоярви), ‘задабривать жертвами’ (Сямозеро);

люд. *verhad* pl. ‘жертвенный дар’;

вепс. *v’erh* (обычно pl. *-ad*) ‘(завернутый в тряпку) жертвенный дар перед образом святых или дар, сделанный с другим намерением’;

водск. *vera* < *verha* ‘жертва’.

Олон. *верги* ‘колдовство, которое проводится, когда болен кто-нибудь из членов семьи’ возводится к форме мн. ч. *verhad* [Itkonen, Joki, Peltola 1978: 1704], а лексема фиксируется только в населенных пунктах в совр. Ленинградской обл. и Карелии, т. е. на территориях, находящихся в тесном контакте с русскоязычными людьми.

4. Миграция лексемы

Суммируя сведения, можно заключить, что при помощи слова *verha* обозначается некоторый материальный предмет, выступающий в качестве дара в различных обрядах: для излечения или защиты домочадцев. Большинство обрядов сохраняют сведения о действии, которое сопровождает

⁹ В словаре отсутствует раскрытие сокращения.

¹⁰ В словаре отсутствует раскрытие сокращения. Предполагаем, что имеется в виду Muolaa (Ленинградская обл.).

¹¹ В словаре отсутствует раскрытие сокращения. Предполагаем, что имеется в виду Tulomdjärvī (Тулмозеро, Пряжинский район Карелии).

подношение дара, что, на наш взгляд, может быть ключом к разгадке происхождения лексемы — его подбрасывают¹². В русскоязычном материале ритуальное бросание отмечается и в записи обряда из словаря Г. И. Куликовского, на что первым обращает внимание В. Н. Топоров, и в указании к обряду над новорожденным теленком в ОС, причем дар в последнем — какое-то количество крупного песка или щебня (ср. с *maaverhat*), обернутое белым платком в форме куколки и обвитое красной ниткой — напоминает *maaverha*.

Со значением ‘бросать, кидать’ в древнерусских памятниках зафиксирован церковнославянский в форме инфинитива глагол *вреци*, *вьргоу* [Аванесов (гл. ред.) 1988: 498–499] (собственно др.-рус. инфинитив выглядел как **веречи*), который мог образовать отглагольное существительное, совпадающее с формой прич. наст. вр. И. ед. муж. *вѣрга*. Поскольку глагол *вреци* относится к акцентной парадигме *a* и имеет наосновное ударение [Зализняк 2011: 349], лексема *вѣрга* становится близка акцентуационной системе прибалтийско-финских языков, что могло послужить дополнительным фактором, поддержавшим освоение ими исходно русской лексемы. По данным С. А. Мызникова, «в русских говорах [г] является в большинстве случаев рефлексом прибалтийско-финского [h]: *кагач* (вепс. *kahač*)» [Мызников 2004: 353], что говорит об их сопоставимости и, соответственно, вероятности существования обратной модели пересчета.

Если наше предположение верно, то лексема *verha* могла появиться в неславянских диалектах не ранее утраты редуцированными статуса самостоятельных фонем (в частности, изменение редуцированных в сильной позиции в /o/ и /e/ происходило во 2-й пол. XII — сер. XIII в. [Попов 2020: 373–374]), поскольку содержит корень с проясненным *ь*: праслав. **ǐ* > древнерус. *e* > фин. *e*. Непроясненные редуцированные *ѣ* и *ь* отражаются в заимствованиях как *и* и *і* соответственно — ср. с фин. *lusikka* < древнерус. *лѣжка*, фин. *akkuna* < древнерус. *окѣно*.

5. Выводы

Представляется, что лексема *verha* является результатом нейтрального влияния одной языковой системы на другую, славянской — на прибалтийско-финскую, в которой получает большее распространение. Обычно такие лексические единицы бытуют в зоне этноязыковых контактов, отмечаются достаточно редко и являются полными синонимами к уже имеющимся словам — при этом строго соблюдается семантическое тождество и фонетическая близость к лексеме языка-источника [Мызников

¹² О ритуальном бросании в славянских странах см. в работе [Виноградова 1999].

2004: 29]. Примеры из этимологического словаря финского языка убедительно свидетельствуют об употреблении *verha* на достаточно ограниченной территории, находящейся в контактной зоне с русским населением. При этом хорошо известна синонимическая лексическая единица — *uhri* ‘жертва’ из швед. *offer* < *offr*¹³ [Itkonen, Joki, Peltola 1978: 1517], широко употребительная, например, в Библии¹⁴.

Источники

Бутков П. Г. О финских словах в русском языке и о словах русских и финских, имеющих одинаковое знаменование // Тр. Императорской Российской Академии. Т. 5. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1842. С. 115–177.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. Народная словесность. М.: Типо-литогр. С. П. Архипова и К^о, 1878. 276 с.

Куликовский Г. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении / собр. на месте и сост. Герман Куликовский. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1898. 150 с.

Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных в Олонекском крае В. И. Срезневским. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1913. XXVIII, 688 с.

Hakulinen L. Verha = ‘uhri’. *Virittäjä*. 1936. No. 40. P. 60–62.

Kalima J. Die ostseefinnischen lehnwörter im russischen. Helsinki, Druckerei finnischen literaturgesellschaft, 1919. 265 p.

Литература

Аванесов Р. И. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1 (а – възаконѣтисѣ). М.: Русский язык, 1988. 526 с.

Алексеева А. С. Русскоязычные тексты Олонекского сборника: фонетика и грамматика // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2. С. 128–150.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 7 (вершь I – внятъся II). М.: ИРЯ РАН, 2013. 352 с.

¹³ Фонема /f/ в прибалтийско-финских говорах отсутствовала, поэтому в заимствованиях из шведского она передавалась через /p/, /v/ или /h/ в конце слога [Мызников 2004: 356].

¹⁴ В качестве примера приведем цитату 1Цар 15.22: *Silloin Samuel sanoi: Kumpi on Herralle mieleen, uhrin vai kuuliaisuus? Kuuliaisuus on parempi kuin uhri, totteleminen parempi kuin oinasten rasva* / И отвечал Самуил: неужели всесожжения и жертвы столько же приятны Господу, как послушание гласу Господа? Послушание лучше жертвы и повиновение лучше тука овнов.

- Виноградова Л. Н. Бросать, разбрасывать // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. М.: Международные отношения, 1999. С. 264–266.
- Зализняк А. А. Труды по акцентологии. М.: Языки славянских культур, 2011. Т. 2. 352 с.
- Михайлова Л. П. Внутрорегиональные лексические различия русских говоров Карелии // Севернорусские говоры. 1999. Вып. 7. С. 11–22.
- Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.
- Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.
- Попов М. Б. Редуцированные // Историческая грамматика русского языка / Под ред. В. Б. Крысько. М.: ИЦ «Азбуковник», 2020. С. 369–383.
- Топорков А. Л. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. М.: Индрик, 2010. 832 с.
- Топоров В. Н. О древнеиндийской заговорной традиции // Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г. Л. Пермякова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 8–104.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 (А – Д). М.: Прогресс, 1986. 576 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 4 (В – военки). Л.: Наука, 1969. 357 с.
- Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. 170 с.
- Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 7. Helsinki, 1978.

References

- Alekseeva A. S. [Russian-language texts of the Olonetsky sbornik: phonetics and grammar]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2020, no. 2, pp. 128–150. (In Russ.)
- Anikin A. E. (ed.). *Russkii etimologicheskii slovar'* [Etymological dictionary of the Russian language]. No. 7. Moscow, RLI RAS Publ, 2013. 352 p.
- Avanesov R. I. (ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv.* [Dictionary of the Old Russian language of the 11th–14th centuries]. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ, 1988. 526 p.
- Cherepanova O. A. *Mifologicheskaya leksika Russkogo Severa* [Mythological Vocabulary of the Russian North]. Leningrad, Publ. House of Leningrad Univ., 1983. 170 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Vol. 1 (A – D). Moscow, Progress Publ, 1986. 576 p.
- Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. No. 4. Leningrad, Nauka Publ, 1969. 357 p.
- Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. *Suomen kielen etymologinen sanakirja* [Etymological Dictionary of Finnish]. Vol. 7. Helsinki, 1978.

- Mihajlova L. P. [Intra-regional lexical differences of Russian dialects of Karelia]. *Severno-russkie govory* [Northern Russian dialects], 1999, no. 7, pp. 11–22. (In Russ.)
- Мызников С. А. *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada: etimologicheskii i lingvogeograficheskii analiz* [Finno-Ugric Vocabulary of Russian dialects of the Northwest: etymological and linguogeographical analysis]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 492 p.
- Попов М. В. [Reduced vowels]. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2020, pp. 369–383. (In Russ.)
- Топорков А. Л. *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII – pervoi poloviny XIX v.* [Russian charms from handwritten sources of the 17th – the first half of the 19th century]. Moscow, Indrik Publ., 2010. 832 p.
- Топоров В. Н. [About the ancient Indian charm tradition]. *Malye formy fol'klora. Sbornik statei pamyati G. L. Permyakova* [Small forms of folklore. Collection of articles in memory of G. L. Permyakov]. Moscow, Publ. House “Vostochnaya Literatura” RAS, 1995, pp. 8–104. (In Russ.)
- Vinogradova L. N. [Throw, scatter]. *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. No. 1. Moscow, 1999, pp. 264–266. (In Russ.)
- Зализняк А. А. *Trudy po aktsentologii* [Works on accentology]. No. 2. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2011. 352 p.